

21. Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. / М. В. Славкина. — М. : РГУ нефти и газа, 2007. — 384 с.

22. Славкина М. В. Валерий Грайфер: Время не ждет / М. В. Славкина. — М. : Центр, 2009. — 302 с.

23. Стась И. Н. Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в. / И. Н. Стась // Ойкумена. — 2013. — № 2. — С. 97–105.

24. Экономическое развитие Западной Сибири в XX веке (дискуссионные материалы) / В. В. Кулешов, В. А. Крючков. — Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2000. — 360 с.

25. Энергия Ямала: сб. документов и материалов / сост. В. Битюков, А. Брехунцов. — Тюмень : Опцион Холдинг, 2000. — 595 с.

Информация об авторе

Карпов Виктор Петрович — доктор исторических наук, профессор, кафедры истории и культурологии, Тюменский государственный нефтегазовый университет, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, e-mail: 7654321.58@mail.ru.

Author

Karpov Victor Petrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Tyumen State Oil and Gas University, 38, Volodarsky st., Tyumen, 625000, e-mail: 654321.58@mail.ru.

УДК 94 (571.54)

А.М. ПЛЕХАНОВА

ББК 63.3 (2Р54)

ЗЕМЕЛЬНАЯ АРЕНДА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ГОДЫ НЭПА: СОВЕТСКАЯ ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируется опыт советского регулирования земельной аренды в период новой экономической политики; выявляются особенности арендных отношений в аграрном секторе Бурят-Монголии.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, новая экономическая политика, земельная аренда, арендные отношения.

А.М. PLEKHANOVA

LAND RENT IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR DURING NEP: SOVIET PRACTICE OF REGULATION

The author deals with the experience of the soviet policy in regulation of land rent during New economic policy and identifies features of the lease in the agricultural sector of the Buryat-Mongolia.

Keywords: Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic, the new economic policy, land rent, lease relations.

После окончания гражданской войны необходимость скорейшего восстановления сельскохозяйственного производства побудила советское государство разрешить земельную аренду. В мае 1922 г. сессия ВЦИК приняла закон о трудовом пользовании, допускавший на определенных условиях «трудовую аренду земли» [9, с. 140]. Эти нормы с рядом дополнений вошли в Земельный кодекс РСФСР, введенный в действие с 1 декабря 1922 г. Юридическая сущность аренды определялась как «временная переуступка прав на землю трудового пользования» [9, с. 158]. Аренда допускалась для трудовых хозяйств, временно ослабленных вследствие стихийных бедствий, недостатка инвентаря или рабочей силы. Устанавливался предельный срок сдачи — не более одного севооборота (при трехполье — 3 года, при четырехполье — 4), а при отсутствии правильного севооборота — не свыше 3 лет. Арендатор обязывался вести хозяйство на арендуемой земле как старательный хозяин. Все государственные и общественные обязательства, связанные с пользованием арендуемой землей переносились на съемщика. Договор аренды вступал в силу после регистрации в сельском совете, если в аренду сдавалось менее половины земли сдатчика, или в волысполкоме, если сдавалось более половины надела.

На практике создавались трудности в связи с несовершенством первых правовых норм об аренде. Слишком короткий предельный срок аренды порождал неуверенность. Кроме того, предоставление права на аренду земли тем, кто не прибегал к найму рабочей силы, противоречило другим разделам законов 1922 г., разрешавшим «вспомогательный труд» [9, с. 143, 159].

В мае 1925 г. III съезд Советов СССР принял постановление по докладу о мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства, в котором предельный срок аренды был увеличен до 12 лет. На арендуемые хозяйства распространялся закон о допущении подсобного наемного труда. Земельным обществам отныне разрешалось сдавать в аренду свободные участки, на срок до 12 лет продлевалась аренда земли из государственных фондов. Соответствующие правовые нормы были зафиксированы и в Земельном кодексе РСФСР. С 1927 г. регистрация арендных договоров проводилась только в сельском совете.

О состоянии арендных отношений в Бурятии в 1920-е гг. позволяют судить данные выборочных обследований, гнездовых переписей и обследований крестьянских бюджетов. Отметим, что местные власти были еще слабы для того, чтобы организовать эффективный контроль за арендными отношениями и справиться с разъяснением правовых норм среди населения. Культурная отсталость и элементарная безграмотность крестьянских масс затрудняли понимание ими закона. Причем крестьяне скрывали как факты сдачи, так и аренды земель, и уклонялись от регистрации арендных сделок в сельских (сомонных) советах, огра-

ничиваясь устными соглашениями¹. Это было вызвано стремлением со стороны арендаторов избежать повышения ставок налога, со стороны сдатчиков — боязнь лишиться земельных наделов, как систематически неиспользуемых. Поэтому все проводимые обследования страдали неполнотой и некоторой неточностью сведений. Несмотря на это, они взаимно дополняют друг друга, и позволяют выявить общие тенденции.

В 1920-е гг. земельные отношения в деревнях и улусах Бурятии характеризуются широко развитой земельной арендой, что стало одним из ярких проявлений нэпа. Основными причинами широкого распространения в Бурятии земельной аренды являлись, прежде всего, общие экономические условия — повышение товарности хозяйств в условиях новой экономической политики, разрешение применения наемного труда, усиление социальной дифференциации крестьянства.

Основную массу вовлеченных в аренду земель составляли наделенные земли. Имела место и аренда в чужих общинах. Одним из возможных объяснений этого явления может быть наличие в соседних общинах чересполосных, узкополосных, дальнотемельных участков, которые за неудобностью использования выгоднее было сдать в аренду, чем обрабатывать самим, а также неравномерность распределения различных угодий между русскими и бурятскими обществами.

Единоличная аренда превышала коллективную. Как среди русской части населения, так и бурятской, сдача наделенных земель в аренду практиковалась только отдельными хозяйствами, которые сдавали землю односельчанам, или в чужие общества также лишь отдельным хозяйствам. Однако для аренды государственных земель население организовывалось в группы, а иногда практиковалась аренда госземимущества (ГЗИ) целыми обществами. Среди арендаторов ГЗИ распространенной была субаренда. Это было связано с тем, что размер арендной платы за пользование государственными землями был значительно ниже, чем за аренду наделенных земель, что создавало стимул для аренды и переаренды.

Арендная плата в своем обществе производилась преимущественно натурой, в виде сельскохозяйственных продуктов, в чужом — смешанная — деньгами, натурой и отработками. Размер арендной платы устанавливался соглашением сторон, и зависел не только от качества сдаваемых угодий и рыночных условий, но и от времени заключения сделки. Так, аренда покосов перед началом косьбы, аренда пашни перед самым посевом были дороже, чем их аренда зимой или ранней

¹ В целях борьбы с уклонениями от регистрации арендных сделок руководством республики было принято решение обязывающее все хозяйства, как берущих землю в трудовую аренду, так и сдающих таковую, регистрировать все случаи арендных сделок в сомонных (сельских) советах не позднее трехдневного срока с момента устного соглашения. За уклонение от регистрации сделок, как арендаторы, так и сдатчики, должны были нести ответственность в административном порядке в виде предупреждения, принудительных работ сроком до двух недель или денежного штрафа до 10 р. [7, с. 6].

весной. Обычным сроком аренды являлся сезон. Долгосрочная аренда практически не наблюдалась.

Развитие арендных отношений проходило по-разному и имело свои особенности в разных хозяйственных районах Бурятии. Арендные отношения были наиболее развиты в земледельческих районах и в районах со смешанным типом хозяйства; в скотоводческих районах они не получили заметного развития. Так, по данным обследования, проведенного РКИ, в 1927 г. в земледельческих обществах из общего количества хозяйств 16,5 % арендовали землю и 14,6 % ее сдавали, в скотоводческих обществах соответственно — 2,3 и 1,6 % [8, с. 18, 20, 21]. В русских земледельческих обществах была более развита аренда пахотной земли, а в бурятских — аренда покосов.

Поскольку бурятское население лучше было обеспечено землей, оно чаще выступало сдатчиком земли, нежели арендатором. Это говорит о том, что часть сдаваемой бурятами земли снималась в аренду русским населением. Так, по материалам выборочного обследования Верхнеудинского уезда, Троицкосавского и Хоринского аймаков, проведенного в августе — октябре 1926 г., в русских земельных обществах 50,4 % хозяйств прибегало к аренде земли, в среднем на одно арендуемое хозяйство приходилось 2,22 дес., посев на арендованных землях составлял 29,4 % к посеву на собственных пашнях. В бурятских обществах 21,2 % хозяйств сдавало землю в аренду, в среднем на каждое хозяйство приходилось 1,96 дес. сдаваемой земли, что по отношению к собственной земле составляло 10,9 % [1, с. 17].

Материалы выборочного обследования 1926 г. позволяют определить контингент сдатчиков и арендаторов земли. Среди русского населения к сдатчикам относились преимущественно бедняцкие хозяйства, не имеющие возможности обработать полностью надел своими силами из-за отсутствия инвентаря. Распространенной также являлась сдача земли дворами с малолетним или престарелым составом семьи. К таким дворам обычно относились семьи красноармейцев, вдов и инвалидов. К числу сдатчиков относились также лица, укочевавшие в другие места и сдающие свои наделы односельчанам с согласия общества до тех пор, пока они не получают наделы на новых местах. Наконец, к постоянным сдатчикам относились лица, пользующиеся землей в обществах, но земледелием временно не занимающиеся, к каковым относились преимущественно служащие советских и общественных учреждений. В малопосевной группе (до 3 дес.) русских земельных обществ 63,3 % хозяйств сдавали землю в аренду, в группе с посевом от 3 до 4 дес. — 15,7 %, в группе с посевом от 4 дес. и более — 11% [1, с. 18].

Среди бурятского населения в качестве сдатчиков выступали не только бедняцкие хозяйства, но значительное количество сдатчиков — зажиточные дворы, что объясняется уже упомянутыми выше особенностями

землепользования бурятского населения, среди которого продолжало существовать захватно-подворное землепользование пахотными угодьями и удобренными покосами, отчего отдельные дворы, имея значительные запасы неиспользуемых в своем хозяйстве земель, сдавали их в аренду.

В числе арендаторов значительное место занимали наиболее сильные дворы с избытком трудоспособных членов семьи, с хорошим живым и мертвым инвентарем, т.е. с такой хозяйственной мощностью, которая не поглощалась имеющимся земельным наделом. Однако наряду с зажиточными хозяйствами к аренде зачастую прибегали и менее мощные хозяйства, и даже бедняцкие, не имеющие в достаточном количестве своей наделной земли. Бедняцкими хозяйствами практиковалась аренда и в том случае, когда эти хозяйства, обычно задолго до посева, свои наделные земли сдавали в аренду, а весной сами вынуждены были прибегать к аренде. Такие явления были вызваны крайней нуждой хозяйства, которое решалось на сдачу своего надела, чтобы получить необходимые средства в критический момент; весной же, если к тому времени случалось заработать, такое хозяйство само становилось арендатором.

Среди бурятского населения наблюдались случаи аренды зажиточными для бедняков своего общества, что объясняется отсутствием в этих обществах земельных переделов, неравномерным пользованием земельными угодьями отдельных социальных групп населения и, главным образом, боязнью переделов со стороны зажиточной части населения этих обществ.

Из материалов выборочного обследования 1926 г. видно, что арендовали землю преимущественно высшие посевные группы. В группе хозяйств с посевом до 2 дес. арендовали землю лишь 2 %, с посевом от 2 до 2,5 дес. — 4 %, с посевом от 2,5 до 4 дес. — 15,5 %, с посевом от 4 до 6 дес. — 20,5 %, с посевом от 6 до 9 дес. — 29,2 %, свыше 9 дес. — 28,8 %. В больших по площади посевных группах повышались и размеры арендовавшихся посевов: в группе хозяйств с площадью посева до 2 дес. в среднем на 1 хозяйство приходилось 0,7 дес. арендованной земли; в группе с посевом от 2 до 2,5 дес. — 1,2 дес., в посевной группе от 2,5 до 4 дес. — 1,5 дес., от 4 до 6 дес. — 1,4 дес., от 6 до 9 дес. — 2,9 дес., свыше 9 дес. — 4,3 дес. [1, с. 19].

Аналогичную картину дает весенний выборочный опрос, проведенный в 1927 и 1928 гг. в земледельческих обществах Боханского и Аларского аймаков. По данным опроса, из общего количества земли, сданной в аренду, в 1927 г. на бедняцкие хозяйства приходилось 65,6 %, в 1928 г. — 42,3 %. Вместе с тем бедняцкие хозяйства арендовали в 1927 г. 25,8 % всей арендованной земли, в 1928 г. — 10,2 %. По мнению членов комиссии, проводившей обследование, сокращение сдачи земли в аренду объясняется тем, что «беднота экономически крепнет», в связи с чем «стремится максимально обработать свои земли», а резкое

уменьшение аренды земли в 1928 г. обуславливается «усиливающимся темпом передела земли» [2, л. 30]. Таким образом, в середине 1920-х гг. постепенное укрепление хозяйств вызывало как рост, так и сокращение аренды, так как, с одной стороны, усиливался спрос на землю и соответственно рост аренды, с другой стороны, падало предложение земли, и сокращалась аренда. Легализация аренды, способствовавшая ее росту, имела противовес в виде легализации найма рабочей силы, которая позволяла использовать землю самому хозяину.

Середняцкие хозяйства увеличили как площадь арендуемой земли, так и земли, сданной ими в аренду. Так, из общего количества земли, сданной в аренду, в 1927 г. на середняцкие хозяйства приходилось 34,4 %, в 1928 г. — 56,1 %. Арендовали эти хозяйства в 1927 г. 61,2 % всей арендованной земли, в 1928 г. — 77,2 %. Зажиточные хозяйства предпочитали брать землю в аренду, нежели сдавать ее. В 1927 г. они арендовали 13 % всей арендованной земли, в 1928 г. — 12,6 % [2, л. 30].

В 1929 г. арендные отношения в республике выглядели следующим образом (табл.) [3, с. 28].

**Арендные отношения по данным
гнездовой динамической переписи 1929 г.**

Социальные группы	Процент хозяйств		В среднем на одно хозяйство гектаров пашни		Процент хозяйств		В среднем на одно хозяйство гектаров покоса	
	арендовавших пашню	сдававших пашню	арендовано	сдано в аренду	арендовавших покос	сдававших покос	арендовано	сдано в аренду
Пролетариат и полупролетариат	6,8	10,8	1,31	3,72	4,9	3,4	1,99	5,17
Бедняки	3,9	7,8	1,37	2,35	6,7	3,1	1,91	3,32
Середняки	13,6	4,0	2,38	1,65	7,0	2,8	3,70	2,62
Кулаки	23,8	1,7	5,54	1,43	12,3	—	6,43	—

Данные таблицы вырисовывают определенный, ярко выраженный тип арендных отношений в Бурятии, а именно: крупная аренда как пашни (в среднем 5,54 га на одно хозяйство), так и покоса (6,43 га), свойственная главным образом кулацким хозяйствам и обратно — сдача земли в аренду преимущественно является уделом батрацких (10,8 % хозяйств сдавали пашни, 3,4 % сдавали покосы) и бедняцких (7,8 % хозяйств сдавали пашни, 3,1 % сдавали покосы) дворов.

Советская историография долгое время упорно считала главной причиной преимущественной аренды земли зажиточными хозяйствами отсутствие у бедноты рабочего скота, инвентаря, семян, а также кулацкое стремление к обогащению [5, с. 127]. Однако это поверхностное объяснение. Дело в том, что в условиях Бурятии крестьяне в хозяйствах с посевом от 2 до 6 десятин были не в состоянии вести свое

хозяйство рентабельно. Как подчеркивал известный сибирский аграрий того времени П.А. Месяцев, эти хозяйства были обречены с экономической точки зрения [6, с. 6]. Поэтому восстановление рыночных отношений с помощью аренды способствовало концентрации земли у старательных, хозяйственных крестьян (середняков и кулаков по терминологии 1920-х гг.). Кстати, в случае поддержки государством такой тенденции, безусловно, возросла бы эффективность использования земли, поскольку даже в советских условиях она приобретала характер товара. Однако советское регулирование арендных отношений, сделав в 1925 г. шаг навстречу узаконению аренды, поспешно стало всячески ограничивать аренду, обосновывая свое неприятие ее заботой о бедняке и середняке, хотя именно середняк и был более всего заинтересован в стабилизации арендных отношений.

Развитие арендных отношений в последующие годы определялось четкой установкой XV съезда ВКП(б) о постепенном сокращении площади земли, сдаваемой в аренду, и всей системой мер государства, направленных на развертывание колхозного движения, поддержку бедняцких хозяйств, усиление ограничения и вытеснения кулацких элементов. Арендные отношения стали строго регламентироваться. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 18 июля 1928 г. предельный срок аренды земли сокращался до шести лет [4, с. 65]. «Общие начала землепользования и землеустройства» запрещали кулакам как сдачу земли, так и ее аренду. «В тех случаях, когда земля сдается в аренду кулацкими хозяйствами, — говорилось в законе, — такая земля постановлением земельно-судебных органов должна изыматься... Сельский Совет отказывает в регистрации, если земля сдается в аренду с нарушением законов, в частности ...если земля сдается в аренду кулацким хозяйствам» [4, с. 103–104]. В результате началась работа по изъятию земельных излишков и ликвидации землепользования тех хозяйств, владельцы которых не участвовали личным трудом в земледелии.

Известно, что для того чтобы все элементы производства могли успешно функционировать, между ними в каждом хозяйстве должно существовать определенное соответствие. Для рационального использования земли необходимо оптимальное соотношение определенного количества рабочей силы, сельскохозяйственного инвентаря, скота, семян и т.д. Если в хозяйстве подобное соотношение между факторами производства нарушается, необходимо принимать меры к сбалансированности всех хозяйственных элементов. Увеличение снабжения хозяйства одними компонентами при возможном уменьшении других — важнейшая задача рациональной организации хозяйства.

С переходом к нэпу рациональное использование земли для скорейшего восстановления количественных и качественных показателей сельскохозяйственного производства дало импульс развитию арендных

отношений. По мере снятия юридических ограничений с земельной аренды заметно увеличилось число хозяйств, сдававших землю в аренду, использовавших наемный труд. Однако в целом эти сделки носили неустойчивый характер. Отношения аренды — сдачи сохраняли в своей основе потребительский характер. Тем не менее, разрешение аренды земли и найма рабочей силы положительно сказалось на восстановлении сельского хозяйства. С 1924 г. стали стабильно расти количественные показатели аграрного производства. В условиях нэпа, возбудившего инициативу и предприимчивость широких масс крестьянства, после преодоления глубокого послевоенного кризиса 1921–1922 гг. начался непрерывный и сравнительно быстрый подъем сельского хозяйства. Это было следствием как стимулов, порожденных нэпом, так и восстановительным характером процессов, всегда сравнительно высоких по своей сущности.

Список использованной литературы и источников

1. Воскобойников Л. И. К вопросу об арендных отношениях в Бурятии / Л. И. Воскобойников // Бурятское изучение. — 1927. — № 3-4. — С. 17–20.
2. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1231.
3. Зверьков С. Классовое расслоение крестьянства в Бурят-Монголии / С. Зверьков. — Верхнеудинск, 1930. — 32 с.
4. Коллективизация сельского хозяйства: важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. — М. : Изд-во АН СССР, 1957. — 351 с.
5. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937). — Новосибирск : Наука, 1983. — 389 с.
6. Месяцев П. А. К вопросу об объектах и методах работы земработников в деревне / П. А. Месяцев // Земельный работник Сибири. — 1925. — № 1. — С. 5–7.
7. Обязательное Постановление ЦИК и СНК БМАССР № 224 «О борьбе с уклонениями от регистрации трудовой аренды земли в сельском хозяйстве» // Бюл. ЦИК и СНК БМАССР. — 1928. — 25 марта. — № 6.
8. Ряхов М. Опыт изучения экономического расслоения деревни / М. Ряхов // Жизнь Бурятии. — 1927. — № 7-9. — С. 14-26.
9. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954. — М. : Госюриздат, 1954.

Информация об авторе

Плеханова Анна Максимовна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

Author

Plehanova Anna Maksimovna — Doctor of Historical Sciences, Scientific Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: plehanova.am@mail.ru.